

Игорь Голубь

Мелодия большого света

Всё в свете солнечном видней—
Пустая полка, пыль на ней
И грани пыльного предмета,
Где тоньше кажется примета,
И оттого она ценней;

Видна неровность потолка
И люстры глянецовость, пока
Мелодия большого света
Порывистой, чем тишина
На гранях пыльного предмета.

Но если света снова нет,
Сольётся с тишиной предмет
И с пылью медленно сольётся,
И потому всего важней
Мне в этом мире Солнце.

По окончании сезона,
Когда полотнами Сезанна
Накрыта простыня газона,
И эта простыня сползла на

Сырые спины тротуаров
(А вместе с ней—шаги на плитку),
И тянет из безлюдных баров
Теплом волнующих напитков.

О том, что сквер—сплошные раны,
Узнаем завтра из газеты.
Смотри, унылые каштаны
Внезапно догола раздеты.

И, хоть немного углубись я
В погоды свежие прогнозы,
Мгновенно полечу, как листья,
Над этим городом промозглым.

И ты недаром мне сказала,
Когда со мной вдвоём парила:
«Напоминаешь мне Сезанна,
Что пьян красотами Парижа».

Холодный ветер нас прогонит,
Но даже в этой свистопляске
Я рад, что город на Преголе
Разлил во мне такие краски...

Весь город—как огромный гироскоп...
Похожий на печальную телегу,
Я в белой канители городской
Несусь по утекающему снегу.

В извечной металлической тоске
Киоски прижимаются друг к другу,
Под каблуками чавкает чизкейк,
Костлявый город движется по кругу.

Шипит повсюду полиуретан,
Плывут, пренебрегая жизнью нашей,
И памятник, и клумба, и фонтан,
Покрытые растаявшею кашей.

Поёжился, наохлился, промок,
Но дома ждут—и, словно Божья милость,
Над крышей черепичною дымок,
В котором всё на свете уместилось.

Вновь улицы роскошно выстелены,
До одурения белы,
Шаги мои глухими выстрелами
Ложатся в стены и углы,

И, новыми шагами ранена,
С пробоинами по бортам,
Заплачет площадь театральная,
Которую февраль взболтал

До состояния коктейльного.
И только видно из-за крыш,
Как позади пытит котельная,
Балтийский пачкая Париж,

Зима белеет непокорная,
И ночью всё запорошит.
Какими только непогодами
Мой город не был перешит...

Иду, одет не по погоде, я
Сквозь смёрзшееся молоко,
А сверху белая мелодия
Звучит красиво и легко.

● ● ●
Господи, вижу кошмар—немею.
Я помолюсь тебе, как умею.
Пусть мне достанется, будто ссуда,
Слово, пришедшее ниоткуда.
Глупости делал—одна заслуга,
Дай мне простить и врага, и друга,
Дай мне увидеть тропинку к раю
В боли и мраке, где я блуждаю.
Если заслужено и возможно,
Дай разглядеть, что на свете ложно,
В дружбе, в работе, в литературе
Не осудить никого по дури.
Дай же мне силы, готовясь к бою,
Брата по духу закрыть собою,
Сердце в меня помести стальное
И отсеки во мне остальное!

● ● ●
Тепло весеннее всё реже,
Его характер незнаком...
Вот выпал снег на побережье,
И он мешается с песком,

Вот чайки резкое сопрано—
Замашки радиозвезды,
И мы с тобой следы собрали,
Разбросанные у воды,

А там, где музыка погасла
И волны нас сожрать могли б,—
Кивки случайного баркаса
И тихие молитвы рыб,

Там солнце в серой куртке пляшет
И свежий ветер всё острее,
Но оттого, что мы на пляже,
Снег тает чуточку быстрее.

● ● ●
Лиха ошибочность вещей,
А иногда приятна даже.
Дыру внутри себя зашей—
И можно ошибаться дальше.

Всё это будет, и пока
Одна из чаш не опустела—
Скорее в путь, до тупика,
До сухости в колодце тела.

Всё это будет, а пока
Очередной ошибки ради
Пусть боль сорвётся с языка
И обоснуется в тетради.

И снова подведёт чутьё,
Ошибка будет неизменной—
Но кажется почти священной
Непреднамеренность её...

● ● ●
Когда проснёшься—в комнате светло,
И свет течёт сквозь сонное стекло.
Ко всем предметам, дремлющим в тени,
Холодные ладони протяни,

Оттенков и цветов скорей коснись,
Как кислород, как солнечная кисть.
Как маленький жучок в слепой смоле,
Останься на изменчивой земле,

Иди вперёд, большую грусть терпя,
Что мир рванёт куда-то без тебя.
Ну а пока вверху молчит радар,
И просыпаться—самый ценный дар.

● ● ●
Девчонку помню по соседству—
Фарфоровая словно вся,
Порою видел в ней невесту,
Руки ни разу не прося,

Но понимал всегда, хочу ли
Дышать, когда несла она
И апельсина, и пачули
Волшебные полутона...

Мне даже изредка казалось:
Она почти кинозвезда,
И всё, чего она касалась,
Фарфором станет навсегда.

Её, как куклу, раздевали.
Её, как куклу, разбивали.
А я со стороны смотрел—
И потому остался цел.

● ● ●
Ревели старые качели,
Когда до облаков летели,
И музыку цедил металл—
Я эту музыку впитал,

И ты до облаков летела,
И веса не было у тела,
А юбка прыгала твоя,
И неба морщились края...

Скажи, куда всё это делось—
Та красота и легкотелость?
И почему сейчас мертво
Тех детских игр волшебство?

Я вырос—пиррова победа...
Кому теперь могу поведать:
Во мне который год подряд
Качели старые скрипят?..

● ● ●
Кажется, вот же—бери, владей
(Выстоять, сохраниться!),
Я берегу тебя от людей,
Внутренняя столица.

Все переулки твои уча,
Строя дома и дамбы,
Я ни единого кирпича
Слабого не отдал бы.

Ты мне давно и отец, и мать
(Переросло в причуду),
Если придут тебя штурмовать,
К штурму готовым буду.

Будут повсюду слова стелить
(Слово горчит и вяжет),
Нету внутри у тебя столиц—
Друг безразлично скажет.

Что ж, мы секреты не выдаём,
Глупо беречь печали,
И не такое с тобой вдвоём
В прошлом перемолчали!

Часто дорога в тупик вела,
Выжил—и слава Богу.
Раз ты во мне до сих пор цела,
Значит, и я не дрогну.

● ● ●
А отец мне подскажет: притормози, сынок,
Это жизнь, и она очень часто сбивает с ног,
Даже если упал—сохраняй всегда гордый вид,—
Папа так говорит.

Он работал как вол, оттого и стальной хребет
Выручал его часто в минуты тоски и бед.
Рефлексирующих поглощает житейский ил—
Папа так говорил.

Навязала нам жизнь миллионы дурных узлов.
Кто же в том виноват, что не помню отцовских слов?
Даже в зеркале, там, где печальный овал лица,—
Не найти мне отца...

Только голос остался, в подкорку навечно вшит,
Я уже и не знаю, кому он принадлежит.
Ведь порою бывает: огонь, что в других угас,
Продолжается в нас...

Упаду—не подскажет и не спасёт никто,
Но всегда буду я благодарен тебе за то,
Что хоть так, громоглашей тишиной,
Ты остался со мной.